

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Иллюстрация на переплете художника
Андрея Липаева

Афанасьев, Александр.

А94 Оккупация / Александр Афанасьев. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-098216-5

Двадцать пять лет Украина жила в кланово-мафиозной системе координат. Подавленный путч добровольческих батальонов стал финалом.

Десятки, сотни тысяч людей, которые не умели ничего, кроме как убивать, породила та война. Людей, которые дербанили, отжимали, пытали, крышевали, занимались контрабандой. Почти все они ушли в криминал.

В России их встретили те, кто традиционно занимался серым и черным бизнесом. Бывшие и действующие менты, ФСБшники, казаки, этнические ОПГ. Свои лакомые куски они отдавать не намеревались.

Началась Вторая криминальная революция...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098216-5

© Афанасьев А., 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
До дна...
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил!
Недолюбил, недолюбил.
Смешно, не правда ли, смешно,
Смешно,
Что он спешил — недоспешил, —
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил...

Владимир Высоцкий

Я знаю, что ты лжешь, и ты знаешь, что я лгу, — поэтому мы один народ. Мы знаем, когда мы лжем, а вот другие принимают нашу ложь за чистую монету..

Таким образом, можно определить постсоветский государствообразующий народ как группу людей, которые договорились считать правдой одну и ту же ложь. Те, кто считает правдой другую ложь, — уже другой народ. Правде в этом уравнении места нет или почти нет, и Украина — яркий тому пример..

*Александр Афанасьев.
Над пропастью во лжи*

Будущее 2010–2020-е годы

Будущее не предопределено. Нет судьбы, кроме той, которую мы творим.

А натворили мы — более чем достаточно.

В 2014 году — с победы прозападных (хотя прозападными они были лишь условно, западных ценностей они не придерживались, от Запада им был нужен безвиз и ремонт дорог) началась гражданская война на Украине. Восстали Крым, Донецк, Луганск, Харьков, Одесса.

В Харькове мятеж удалось подавить относительно бескровно, в Одессе — кроваво. В Донецке и Луганске вовсе не удалось подавить. В Крыму подавить и не пытались — рядом была российская армия, да и поддержка Украины там исчислялась в лучшем случае пятью-семью процентами.

Началась антитеррористическая операция (АТО) и континентальный военный кризис, равного которому не было, наверное, со времен Западного Берлина.

Весна 2014 года — это Русская весна. Весна, которая провалилась: вместо величественной и гордой Новороссии на карте образовались два маленьких, непризнанных государства — ДНР и ЛНР. Проект Новороссии тихо забыли, а само понятие «Русская весна» оказалось в значительной степени дискредитировано дербаном и обоюдным циничным сотрудничеством с врагом, когда через «ноль» — линию фронта — торговали всем, чем можно. Углем, жратвой, водярой, заложниками. Торговали все — МВД, СБУ, добровольческие батальоны. Власти «народных республик»

если и отставали, то ненамного. Харизматичные лидеры Русской весны погибли один за другим: Дремов, Беднов, Мозговой, Моторола, Гиви. Одной из причин провала Русской весны и гибели лидеров сопротивления было то, что отжимать, пилить, дербанить было привычнее и выгоднее, чем строить новое и светлое. И проще. И денежнее...

И все это было не с одной стороны фронта. С обеих.

Двадцать пять лет Украина жила в кланово-мафиозной системе координат, и Донбасс жил так вместе с ней. Глупо было думать, что те, кто привык хапать, наживаться, выводить нал, станут справжными патриотами, бескорыстными подвижниками только потому, что погибла Небесная сотня и другие такие безымянные сотни отдали свои жизни по обе стороны фронта. За мечту.

Подавленный путч добровольческих батальонов стал концом той войны. Договорились. Договорились, как всегда, грязно, за спиной. Запад опустил руки еще раньше: стало понятно, что ничего не изменить. Громкие фразы про европейское будущее — не более чем дымовая завеса, бескорыстные громадские активисты бескорыстны лишь потому, что их до сих пор не тускали к кормушке, и сейчас они оттаскивают от нее продажных до мозга костей чиновников, чтобы самим к ней припасть. Те, кто ходил в рваной курточке, за год во власти покупали десять квартир. Единственная реальная претензия оппозиционеров к власти — в том, что у кормушки не они.

Путч привел все к единому знаменателю. Ликвидация добровольческих батов — кого посадили, кого убили. Дорожная карта по выполнению Минских соглашений. Торжественная передача границы под контроль украинских пограничников — на самом деле пограничники в основном были местные, спешно набранные и приведенные к присяге, — на манеже все те же. Изменения в конституцию, децентрализация, автономия Донбасса.

Европа облегченно выдохнула и сняла санкции.

Но мира не наступило. Продолжалась холодная война-2 — непохожая на первую, еще более циничная и опас-

ная. На Украине продолжался распил и дербан, численность населения упала до сорока миллионов человек. Люди жили бедно, преступность была все рекорды. Огромное количество демобилизованных искали свое место в жизни и не находили. Оружие было у всех.

На Донбассе самые засвеченные уехали в Россию, остальные присягнули Украине и стали служить. Вся новая милиция, вновь сформированные воинские части, пограницы — все местные, офицеры — как раз из числа тех, кто «проявил себя» на блокпостах на нуле, кто крышевал контрабанду. Власть в Киеве не препятствовала — себе дороже. Техас должны грабить техасцы, а Донбасс — донбассцы. Тем более что наверх засылали стабильно.

В России, несмотря на все предпринимаемые усилия, продолжалась экономическая стагнация, выйти на высокие темпы роста никак не удавалось. Причина была проста — предпринимательское сословие потеряло веру и вкус к инвестированию в Россию, а государство — инвестор плохой. Незаинтересованный. Криминал из разграбленной и нищей, потерявшей все Украины шел туда, где взять можно было несколько раз больше, — в Россию. Снова появились понятия «рэкет», «крыша», «отжали». Хуже всего было в приграничных с Украиной областях и в Москве.

Что самое плохое — теперь криминал опирался не на воровское сословие, а на умытых кровью боевиков, отморожков, неонацистов. Десятки, сотни тысяч людей, которые не умели ничего, кроме как убивать, породила та война. Людей, которые дербанили, отжимали, пытали, крышевали, занимались контрабандой. Почти все они ушли в криминал.

В России их встретили те, кто традиционно занимался серым и черным бизнесом. Распилом, дербаном и крышеванием. Бывшие и действующие менты, фээсбэшники, казаки, этнические ОПГ. Свои лакомые куски они отдавать не намеревались.

Началась вторая криминальная революция...

**Московская область,
Российская Федерация
Где-то за Третьим транспортным
11 мая 2019 года
Оборотни в погонах**

Оборотни в погонах.

Знаете, меня всегда смешило это определение — «оборотни в погонах». Смешило даже тогда, когда по телевизору показывали, как выводят с руками за спиной моих коллег и раскладывают на столе изъятые доллары и золотые слитки. Объясню почему: в определении «оборотни в погонах» есть две части — «оборотни» и «в погонах». Обе лицемерны донельзя. И пока есть время — а время пока есть, — давайте разберем обе части по отдельности.

Первая часть — оборотни. Подтекст такой — что есть честные менты, а есть... если кто-то кое-где у нас порой. Так? Так. В чем тут лицемерие? А вот в чем: тут получается, что непойманнные карают пойманных. На самом деле оборотни — мы все.

У нас ведь до сих пор большинство в стране — это те, кто жил в СССР. Я вот только пионерию застал, а есть комсомольцы, партийцы. И чего? Все клялись, все получали партбилеты, все говорили красивые и правильные слова, все типа коммунизм строили. А девяносто первый год пришел — и опа! И все разом стали строить капитализм. На рынке стоять, торговать, спекулировать. Затаптывая слабых, всем кагалом рванули к светлому капиталистическому будущему. И как это назвать? Не оборотни, что ли?

Оборотни и есть. Просто у долбодятлов, которых социологи называют «средним классом», в голове есть какой-

то бзик, что, мол, они могут и хапать, и кидать, и наваривать, и все дела, а вот те, кто их обслуживает, это делать не могут. Что будут по-прежнему бескорыстные и честные доктора, учителя, менты. Да, да, и менты тоже — ведь мы на самом деле слуги общества. Врач предоставляет лечебные услуги, учитель — учебные, мы — безопасность. Но я — убей меня кирпичом в лоб — не могу понять, почему я не могу изощряться и исхитряться, если пресловутый средний класс оставляет за собой такое право?

Откаты берете? Берете. Прибыль не показываете? Не показываете. Зарплату в конверте платите? Платите. Ну а ко мне тогда какие претензии?

Вторая часть — в погонах, но я на нее уже почти что ответил. Почему я в погонах не могу делать то же самое, что вы делаете без погон? Милиция — часть общества, какие вы, такие и мы. Мы ведь тоже не с луны свалились, верно? Хапаете вы — хапаем и мы. Вот и все.

Ты не одна...

И я не один...

Мой телефон...

Девять — один — один...

Почему-то мне всегда нравились украинские песни. Мелодичный, необычно звучащий язык. Хотя — просто мову — я терпеть не могу, меня от нее передергивает. Особенно в исполнении всяких рагулей. О! Видите! Вон ссыт. Прямо на посту. Б... устав караульной службы такого не предусматривает — никто и представить себе не мог, что воин Советской армии будет ссать прямо на посту. Но для селюков это нормально.

Короче, давайте представлюсь, раз уж тут сидим. Александр Матросов. На самом деле фамилия такая, хотя бросаться на дот меня не заставишь. Полковник полиции, главк МВД. Ну и... оборотень в погонах, если так вам будет угодно. Хотя про оборотней в погонах я уже все сказал.

Родился и вырос я в старом русском городе Владимире, служил... жизнь помотала, короче. Сейчас — в Москве, в третьем ОРБ. Что такое ОРБ? Оперативно-разыскные бюро, они у нас по темам. Третье бюро — этнические ОПГ, Украина. Раньше его вообще не было, а сейчас... горячая тема.

Вот как раз одну из таких ОПГ я сейчас и отслеживаю...

Короче, тема — сиги и бухло. Украина и по тому, и по другому лидирует на постсоветском пространстве. Сиги — виробництва либо львовской тютюнової, либо донецкого Хамадея. У нас больше Хамадей попадает, Львов в основном на Запад гонят. Сиги качеством так себе, но главное — на них левые акцизки. Печатают где-то в Украине, где — мы так и не смогли понять. А гонят к нам дончане по тем же, отработанным каналам, по которым шла гуманитарка и прочее. Их и сейчас кое-кто считает борцами, хотя настоящие борцы — кто сидит, а кто уже... лежит. А выжила только мразь одна. Вот она и банкует.

С бухлом ситуация еще интереснее. Основной производитель левого бухла в Украине — луганская Луга-Нова, там как еще со времен войны отработали схемы — так они и работают в полный рост, не останавливаются. Акцизки тоже левые, печать — в Украине. Что касается спирта, то там тема вообще конкретная, я эту тему полгода пробивал. Спирт идет через Румынию и напрямую, морем, из Бразилии, а в последнее время из... США. Да, да, из США. Там в свое время приняли закон, топливо E85 — в нем восемьдесят пять процентов бензина, пятнадцать — технического спирта. Сейчас цены на нефть не ахти, и потому фермеры, уже освоившие эту техническую культуру, начали искать рынки сбыта. И нашли. Спиртыга прямо в море переливается в небольшие наливники, дальше они разгружаются в незаконных портах по всему Азову и Черноморскому побережью. Там сейчас все яхтенные пристани, пристани бывших рыболовецких колхозов — все это в деле, все работают не покладая рук. На берегу ждут уже спиртовозы, они направляются как раз в Луганск. Там разливают по нашим бутылкам, наши бутылки и этикетки на Украине на-

учились подделывать давно — Херсонский стекольный завод, Бучанский, Малиновский, Рокитновский. Водяру разливают, приклеивают этикетку, после чего караваны с водярой начинают свой путь к потребителю. Идут либо через Харьков и Белгород, либо через Беларусь, в последнее время часто прут по железке. Отследить все не отследишь, таможня и налоговая с ног сбились. А прибыль... ну считайте сами. На сиггах — в Москве на полке сиги стоят в пять раз дороже, чем в Донецке оптом. Водяра — раза в четыре. Все равно четыре-пять концов — это те деньги, за которые умирают и убивают. Второй сухой закон, твою же мать...

И всю эту тему держат хохлы. Прикиньте, сколько в день может выжирать четырнадцатимиллионная Москва, шестимиллионный Питер. Прикиньте оборачиваемость денег — у них в товаре они не залеживаются, товар влет уходит. И посчитайте хотя бы примерно масштаб прибыли. Я пробовал — при любых раскладах получался выхлоп пять-шесть миллионов грива, не меньше.

В день.

Только вот получилась какая закавыка. Раньше была негласная договоренность, что товар как только пересекает границу — мы его забираем оптом и тут уже в розницу раскидываем. Сначала так и делали — у хохлов не было денег, мы им загоняли предоплату еще на порт — то есть на тот спирт, что в порту. Потом у них деньги все же появились. Потом они начали борзеть и левачить — то есть возить сами и сливать налево. А сейчас они уже конкретно отморозились.

В налоговую пришла инфа. Там весь расклад, кто, как, куда. Адреса складов, номера счетов, реквизиты фирм, через которые прогонялся крупный опт по Московскому региону, — весь. Но вот какая закавыка — назвали только крупный опт, ни одного среднего и мелкого оптовика не засветили.

Все еще не дошло? Им надо выбить крупнооптовое звено и сесть на крупный опт самим — грубо говоря, банчить на уровне от «газельки» и выше. А то, что ниже, их не интересует, это они оставляют. Более того — этот уровень им нужен,

точки на местах, в небольших городах, где и идет основной сбыт, на оптовых базах, принадлежавших диаспорам.

Короче, налоговая замутила рейд, мы узнали в последний момент. Что-то успели спасти, но не все. Теперь пришла пора рассчитаться — алаверды, однако.

Хохлы арендовали крупный склад. Это раньше завод был, с ж/д веткой, а теперь в корпусах устроили непритязательный и недорогой, но вместительный склад. Можно, конечно, его и сдать, как это они сделали — но дядя Вова (потом узнаете, кто это) сказал, что так не пойдет. Надо взять склад и вывезти его, весь товар забрать бесплатно — в счет погашения долга перед нами. А потом уже начинать переговоры о том, как жить и работать дальше, миром или как.

В общем-то, разумно. И выгодно. Всем. Мне, например, за ночь упадет сотка. Сто тонн зеленыю. Плюс столько же, когда товар уйдет и превратится в деньги.

Склад этот я, кстати, и нашел.

Вообще не могу понять хохлов — они о чем думают и чем. Что они будут банчить на Москву и больше, а мы не найдем, откуда они это делают, так, что ли? Что я, опер с земли, буду клювом щелкать? Хотя... может, они и в самом деле так думали. Все мозги на майдане выскочили.

Как говорится — береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет. Потому у меня и машинка левая, «Лада» 4*4, или в просторечии «Нива», оформленная на одного забулдыгу. И трубочка — левая, а моя труба сейчас в одном хорошем месте, где я типа всю ночь зависал. И ствол левый, это мне с Донецка подогнали. Там с этим легко...

Щас отработаем и поедем по домам.

Набираю номер — Пузырь должен быть уже на месте.

— Але.

— Бухой, что ли? Слышу довольный смех.

— Не, шеф, мимо. Тут с проводницей одной мы...

— Слышь, Пузырь... слышишь там, э? Отправляй свою шалаву мимо и давай к делу. Тепловоз тебе дали?

— Ага. Все в полном ажуре.

— Смотри у меня. Давай двигай по-тихому. И попробуй налажать!

— И-есть.

Пузырь — это... мой, в общем, протезе. Фрукт тот еще, я его к делу пристегнул, чтобы и он лаве поднял, хотя... зря, наверное. Мы с ним росли вместе. Потом он ходку взял — глупую, за наркоту. Сидели на скамейке, подошли менты, кто-то сбросил чек. Менты подняли и первому попавшемуся в карман и засунули — это и был Пузырь. Отца у него не было, отчим, выкупать он его не стал. Так и пошел пацан на зону, сломал жизнь.

Но он верный. И молчать будет.

— Так... ну че, Голова? Все в ажуре...

— Не вопрос...

Голова подхватился, забрал свой АК-74М с ночником и глушителем и выкатился из машины. Он из бывших донецких ополчей, вот пусть и работает. По врагам, которые бывшими не бывают. Мне там пока делать нечего, я постою тут, на дороге, и если что — со своей ксивой остановлю своих коллег, мол, там спецоперация, работает ОМОН и все такое. В конкретное палево, с трупами я стараюсь не пристегиваться.

Кто я есть? Да хрен его знает. Мент, полкан, получивший свое звание и продвижение по службе не совсем честным способом, оборотень в погонах, для кого-то шеф. Мне плевать. Имеют значение только деньги...

Рагулю на посту оставалось жить минуту от силы, но он об этом и знать не знал, пребывая в радостном неведении. О чем он думал? Наверное, о том, как он отпашет ночную смену, потом пойдет дрыхнуть. А как только закончится его смена он и еще два-три десятка таких, как он, отправятся через Беларусь или через Харьков на Украину, с такими деньгами в кармане, что в Незалежной, чтобы такие заработать, надо года полтора батрачить. И то не факт, что не кинут.